

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ

Д. В. Житин¹
З. Кришьяне²
Г. Секи²

Реализация теории демографического перехода в глобальном масштабе приводит к тому, что количество стран с простым и суженным типом воспроизводства населения увеличивается с каждым десятилетием. В этих условиях на динамику численности населения и его половозрастную структуру всё большее влияние оказывает миграция населения. В наибольшей степени такая ситуация характерна сегодня для государств Восточной Европы и, в частности, для Латвии, уже два с половиной десятилетия имеющей естественную убыль населения. С 1990 года в стране наблюдается отрицательное сальдо внешней миграции, ускоряющее процесс депопуляции. Цель проведенного исследования — выявить влияние миграции на половозрастную структуру населения Латвии и ее наиболее крупных городов за период с 2000 года. Для этого рассматривался гипотетический сценарий трансформации возрастной структуры населения республики в 2000—2015 годах в условиях нулевой миграции. Использовался метод передвижки возрастов с учетом реальных возрастных коэффициентов смертности и рождаемости. Сравнение полученных результатов для всего населения Латвии и ее отдельных городов позволило выявить временные и пространственно-возрастные особенности миграционных процессов. Сравнение полученных в ходе расчетов значений сальдо миграции для различных возрастных групп с официальными данными дает возможность более точно оценить фактические объемы и направленность миграционных потоков для ряда городов Латвии. Разработанная и опробованная в данной статье методика расчета нетто-миграции для отдельных возрастных групп может восполнить пробелы текущего статистического учета миграционных событий и выявить территориальную неоднородность демографических процессов.

Ключевые слова: половозрастная структура, население, эмиграция, Латвия, международная миграция, демографическая ситуация, депопуляция

С каждым десятилетием в мире увеличивается количество государств, в которых происходит сокращение численности населения. Если в начале 1990-х годов прошлого века в мире насчитывалось только 8 таких стран, то в 2015 году депопуляция населения наблюдалась уже почти в двух десятках государств, боль-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Латвийский университет, LV 1586, Латвия, Рига, бульвар Райниса, 19.

Поступила в редакцию 02.02.2018 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7

© Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г., 2018

шинство из которых находятся в Европе [1]. К числу стран с наиболее быстрыми темпами сокращения населения в последние десятилетия относятся и страны Балтии. За период с 1992 по 2015 год численность постоянного населения Эстонии сократилась на 15,4%, Литвы — на 22,1%, Латвии — на 25,5% [2]. Это значительно более высокие темпы, чем в других странах Восточной Европы, не говоря уже о государствах Западной Европы, раньше других ощутивших на себе последствия *демографического перехода* [3].

Высокие темпы депопуляции населения стран Балтии вызваны не только низкой рождаемостью и высокой смертностью, что обусловлено искаженной половозрастной структурой населения. Заметную роль в депопуляцию играет отрицательное сальдо международной миграции населения. За 24 года (с 1992 по 2015 год) на отрицательную нетто-миграцию пришлось 63% общей убыли населения в Эстонии, 77% — в Литве и 61% — в Латвии [2]. При этом миграционная убыль населения, затрагивающая прежде всего лиц в возрасте от 18 до 40 лет, не только деформирует половозрастную структуру, но и способствует дальнейшему увеличению естественной убыли.

По темпам сокращения численности населения за последние десятилетия Латвия занимает первое место в Европе и в мире. При этом темпы убыли заметно различаются по районам и городам страны [4, с. 37—39].

Нельзя сказать, что вопросам демографического развития Латвии в постсоветский период не уделялось внимания со стороны российских и иностранных исследователей. В первую очередь необходимо отметить работы латвийских демографов, экономикогеографов и социологов, посвященные проблемам народонаселения республики. К ним относятся исследования Е. Апсите, А. Балуса, М. Берзиньша, В.В. Волкова, И. Инданса, З. Кришьяне, П. Эглите [5—12].

Часто демографические процессы в Латвии рассматриваются в контексте естественного и миграционного движения населения трех балтийских государств. Это обоснованно, учитывая, что в течение последних более двухсот лет государства Балтии развивались в одном геоэкономическом и геополитическом пространстве. Многие исследователи, как в России [13—18], так и в других европейских странах [19; 20] отмечают общее сходство режимов воспроизводства населения и миграционных процессов в Эстонии, Латвии и Литве. Но более детальное рассмотрение ситуации позволяет выявить свои особенности демографического развития в каждой из стран Балтийского региона. Это касается как динамики показателей естественного и механического движения, так и трансформации половозрастной структуры населения и его этнического состава. Среди работ, опубликованных по данной тематике за последние годы, можно отметить исследования по динамике населения приморских городов Балтийского региона [21], об особенностях регионального развития [22], об этнической структуре [23] и о старении населения стран Балтии [24]. Исследования, затрагивающие страны Балтии, зачастую посвящены проблемам внутренних миграций населения и урбанизации [25].

При этом, отмечая большое значение механического движения в динамике численности населения различных стран Балтии и их отдельных регионов, мало кто из ученых акцентировал внимание на взаимосвязи между миграцией населения и его возрастной структурой [26].

Большая часть подобных исследований в странах Европы касается влияния миграции на принимающие сообщества: на динамику дальнейшего естественного движения населения принимающей страны, на этническую напряженность, на уровень преступности, рынок труда [27]. Из работ, затрагивающих аспекты взаимосвязи миграционных процессов и изменения половозрастной структуры, интерес представляют те, которые посвящены межрегиональной миграции в США после периода «беби-бума» [28].

Исследований о влиянии миграции на страну-источник миграционного потока гораздо меньше. Наиболее заметные работы касаются прежде всего влияния эмиграции на дальнейшее экономическое развитие страны-донора, а также такого явления, как «утечка мозгов» и его последствий в виде изменения структуры человеческого капитала [29; 30].

Авторы хотят заполнить имеющийся пробел, и потому цель данного исследования — выявление влияния миграции на половозрастную структуру населения Латвии и ее наиболее крупных городов.

Для достижения поставленной цели необходимо будет решить следующие задачи:

- проанализировать динамику естественного и миграционного движения населения Латвии за последние десятилетия;
- дать оценку изменениям половозрастной структуры населения Республики в период с 1989 по 2015 год;
- рассчитать демографический ущерб, нанесенный населению Латвии в 2000—2015 годах отрицательным сальдо внешней миграции;
- на примере отдельных городов Латвии рассмотреть влияние миграции на численность и возрастную структуру населения;
- рассчитать возрастную структуру сальдо миграции для отдельных территорий Латвии.

Динамика естественного и миграционного движения населения Латвии в конце XX — начале XXI века

Уже в конце советского периода в Латвии сложилась крайне неблагоприятная демографическая ситуация. На смену относительно многочисленному поколению, родившемуся в 1955—1964 годах, в начале 1990-х годов в основной детородный (фертильный) возраст вступила малочисленная когорта молодежи 1965—1970 годов рождения. В совокупности с происходившими в предыдущие десятилетия изменениями типа воспроизводства населения это привело к резкому снижению показателей рождаемости. За двенадцать лет — с 1986 по 1998 год — *суммарный коэффициент рождаемости* сократился в два раза (с 2,21 до 1,11) [31], а *общий коэффициент рождаемости* населения в Латвии снизился более чем в два раза (с 16,1 до 7,6‰) [32]. По времени это совпало с ростом показателя смертности¹ на 36% за пять лет — с 1989 по 1994 год (с 12,2 до 16,6‰) [32]. В результате с 1992 года в Латвии устанавливается суженный режим воспроизводства населения, когда смертность превысила рождаемость. Скорость естественной убыли населения республики достигает максимальных значений в 1994—1995 годах (–7,0‰ в год), и, хотя в последующем эти темпы сокращаются до 3—5‰ в год, сегодня в Латвии ежегодно количество умерших превышает численность родившихся на 30—50% (на 6,5—10,0 тыс. чел.) [32] (рис. 1).

Одной из причин продолжающегося демографического кризиса в республике стало то, что интенсивность рождений² в первые десятилетия XXI века так и не достигла уровня конца 1980-х годов. Сегодня в среднем на одну женщину в Латвии приходится только 1,5—1,6 ребенка, то есть суммарный коэффициент рождаемости имеет значение на 20—25% меньше, чем необходимо для количественного замещения поколений и выхода на режим простого воспроизводства населения [31] (табл. 1).

¹ Общий коэффициент смертности.

² Количество рожденных детей на 1000 женщин фертильного возраста.

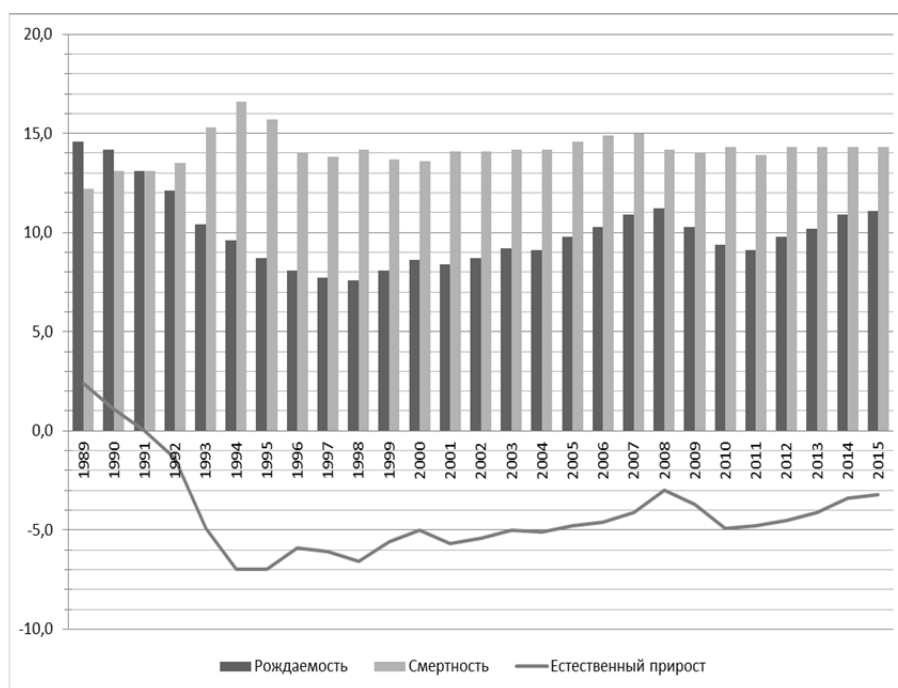

Рис. 1. Естественное движение населения Латвии за период 1989—2015 годов

Составлено авторами по [32].

Таблица 1

Среднегодовые показатели естественного и миграционного движения населения Латвии в 1986—2015 годах

Период	Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	Общий коэффициент рождаемости (ОКР), ‰	Общий коэффициент смертности (ОКС), ‰	Коэффициент естественного прироста (КЕП), ‰	Коэффициент миграционного прироста (КМП), ‰	Общий прирост населения, ‰
1986—1990	2,13	15,3	12,3	+3,0	+2,2	+5,2
1991—1995	1,56	10,8	14,8	-4,0	-10,8	-14,8
1996—2000	1,17	8,0	13,9	-5,9	-3,8	-9,7
2001—2005	1,30	9,0	14,2	-5,2	-5,8	-11,0
2006—2010	1,48	10,4	14,5	-4,1	-10,2	-14,3
2011—2015	1,54	10,2	14,2	-4,0	-6,4	-10,4

Источник: составлено авторами на основе данных [32].

Но было бы неправильным считать, что единственной причиной быстрого сокращения численности населения Латвии в постсоветский период стали изменения в характере естественного воспроизводства населения. Как уже отмечалось, на естественную убыль приходится менее 40% сокращения коли-

чества жителей Латвии в последние десятилетия. Значительно большее влияние на изменение численности и половозрастной структуры населения республики оказала миграция. За постсоветский период — с 1992 по 2016 год — Латвию покинула³ 421 тыс. человек — 16% ее населения в начале 1990-х годов [33]. За последнюю четверть века наблюдалось два всплеска миграционной активности. Первый массовый отток населения из Латвии приходится на начало 1990-х годов и связан с выездом в Россию и другие страны СНГ русского и русскоязычного населения республики. В первой половине 1990-х годов отрицательное миграционное сальдо Латвии составляло ежегодно в среднем 20—30 тыс. человек. (В 1992 году за счет эмиграции население Латвии сократилось более чем на 53 тыс. жителей.) В результате за короткий временной период Латвия из страны иммиграции превратилась в страну эмиграции [34, с. 107].

С середины 1990-х годов темпы эмиграции несколько снизились. Но уже с конца 1990-х годов выезд для постоянного проживания за пределы Прибалтийских республик вновь стал расти. Только вместо России и Белоруссии главным направлением эмиграции в этот период становятся страны Европы. После вступления Латвии в Европейский союз в 2004 году поток эмигрантов в западном направлении увеличился еще больше [35] (рис. 2).

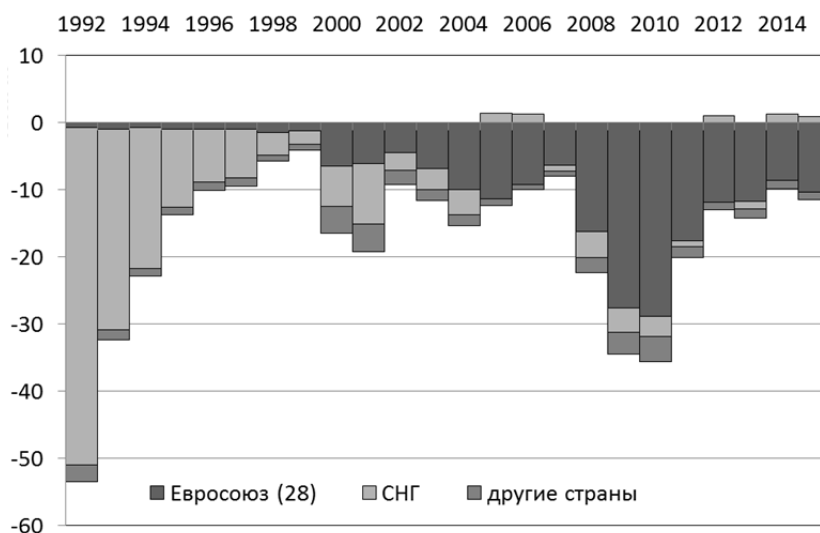

Рис. 2. Сальдо миграции населения Латвии по основным направлениям в 1992—2015 годах, тыс. человек

Составлено авторами по [35].

При этом вторая и следующие, после восстановления независимости, волны исхода за пределы Латвии затронули уже не только русское население республики, но и латышей [7]. Так, за 2011—2015 годы доля латышей в общей численности эмигрантов из Латвии выросла с 39 до 51%. При этом среди русского населения Латвии интенсивность эмиграции и сегодня значительно выше, чем среди латышей: в 2015 году уровень эмиграции русских жителей Латвии составил 10,9 чел. на 1000, а у латышей — только 8,4‰ [36].

³ Имеется в виду сальдо внешней миграции.

Изменения возрастной структуры населения Латвии в 1989—2016 годах

Сокращение численности населения Латвии в последние десятилетия в различных возрастных группах было неравномерным. Массовая эмиграция и значительная естественная убыль населения в конце XX — начале XXI века привели к существенной трансформации половозрастной структуры населения республики. Так, если по переписи населения 1989 года удельный вес лиц младше трудоспособного возраста (0—14 лет) составлял 21,4%, то к 2000 году он сократился до 18,0%, а в 2016 году был уже только 15,2% от общей численности жителей Латвии. Обратная ситуация наблюдалась с лицами старших возрастов (65 лет и старше). Их доля за период с 1989 по 2015 год увеличилась с 11,8 до 19,6% [37; 38] (табл. 2).

Таблица 2

Изменения соотношения основных возрастных групп населения Латвии в 1989—2016 годах

Год ⁴	Удельный вес населения		
	0—14 лет	15—64 года	65 лет и старше
1989	21,4	66,8	11,8
1996	20,5	65,7	13,8
2000	18,0	67,2	14,8
2011	14,2	67,4	18,4
2016	15,2	65,2	19,6

Источник: [37; 38].

Если посмотреть на половозрастные пирамиды населения Латвии 1989 и 2016 годов, то видно, что еще более значительные изменения произошли по отдельным возрастным группам (рис. 3). Так, при снижении общей численности населения республики за период с 1989 по 2015 год на 26% в возрастной группе 25—29 лет сокращение составило 47%, для молодежи 15—19 лет — в 2,1 раза, а для детей в возрасте 0—4 года — в 2,0 раза. При этом в возрастных когортах старше 65 лет численность населения Латвии за рассматриваемый период не только не сократилась, но и заметно выросла. Численность пожилого населения республики в возрасте 70—74 лет за период 1989—2015 годов выросла на 31% (с 70 до 92 тыс. человек), а в возрастной группе старше 85 лет — на 64% (с 27 до 44 тыс. чел.) [37; 38].

Быстрое старение населения Латвии наряду с ростом продолжительности жизни⁵ создают угрозу увеличения демографической и, как следствие, экономической нагрузки на население трудоспособного возраста. В значительной степени на возрастную структуру населения современной Латвии оказывает влияние состав мигрантов советского периода. До настоящего времени увеличение демографической нагрузки пожилыми компенсируется снижением доли детей, но в дальнейшем сокращение удельного веса налогоплательщиков в общей численности населения республики создаст серьезные экономические и социальные проблемы.

⁴ На начало года.

⁵ За период с 1989 по 1994 год средняя продолжительность жизни при рождении для жителей Латвии сократилась с 71,0 до 66,4 года, но затем выросла к 2016 году до 74,7 года.

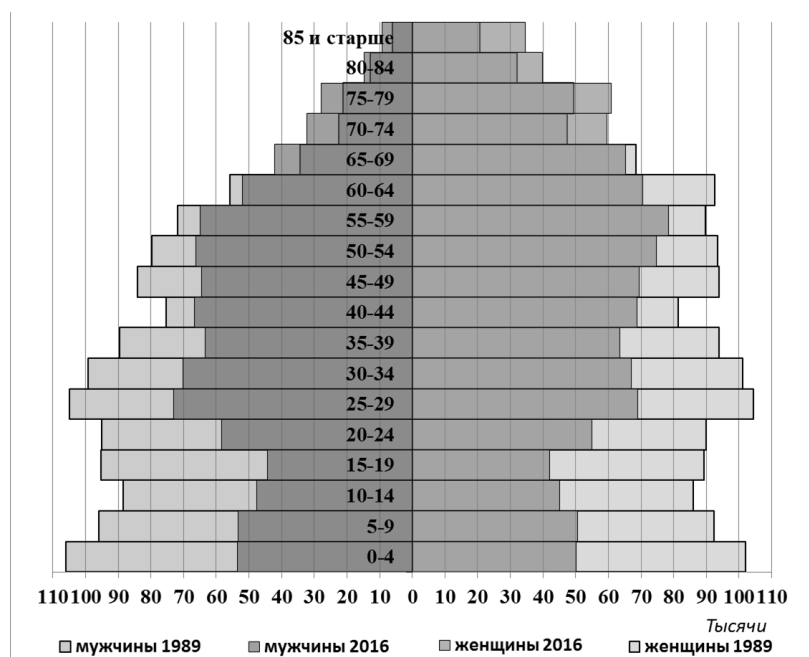

Рис. 3. Половозрастные пирамиды населения Латвии в 1989 и 2016 годах

Составлено авторами по [37; 38].

Роль эмиграции в трансформации половозрастной структуры населения Латвии в 2000—2016 годах

Настолько быстрое сокращение численности населения и такая значительная трансформация его возрастной структуры, как это происходило в конце XX — начале XXI века, не могли произойти только в результате изменения параметров естественного движения населения Латвии. Ухудшению демографической ситуации в республике способствовала эмиграция ее жителей в другие страны. Общие масштабы миграционной убыли рассматривались выше, но в какой степени выезд населения за пределы Латвии повлиял на изменение половозрастной (возрастно-половой) структуры населения республики в целом и ее наиболее крупных городов?

К сожалению, имеющиеся в открытом доступе статистические данные позволяют подробно рассмотреть структуру внешней миграции Латвии по полу и возрасту только за период с 2000 года. При этом отсутствуют данные о характере миграционных потоков по отдельным городам и районам республики. Тем не менее анализ сведений за период с 2000 по 2015 год позволяет сделать выводы о характере и роли миграции в трансформации половозрастной структуры населения Латвии и ее региональных центров.

Всего за 16 лет (с 2000 по 2015 год) отрицательное сальдо миграции населения Латвии составило 257,4 тыс. человек. В зависимости от социально-экономической ситуации в Латвии и в странах, куда эмигрируют жители республики (Великобритания, Германия, США, Россия, Ирландия), абсолютное

значение сальдо миграции изменялось в рассматриваемый период в диапазоне от 7,9 тыс. чел. (2007) до 35,6 тыс. чел. (2010) в год. При этом за последние 25 лет вектор эмиграции развернулся с востока на запад. Если в 1992 году из почти 60 тыс. человек, покинувших Латвию, более 90% переселились в Россию и другие страны СНГ, то в 2010—2015 годах на восток выехали не более 12—16% эмигрантов [35]. В отдельные годы (2005—2006, 2012, 2014—2015) обмен населением Латвии со странами СНГ был в пользу Латвии. В то же время удельный вес стран Западной Европы в миграционных предпочтениях латвийских мигрантов в последние десятилетия неуклонно рос. С 1993 по 2004 год доля 15 стран Европейского союза в эмиграционном потоке из Латвии выросла с 2,5 до 55%. После вступления Латвии в ЕС на те же государства Западной Европы (ЕС-15) приходилось уже от 60 до 70% эмигрировавших из страны. Экономический кризис 2008—2009 годов только усилил западный вектор латвийской эмиграции — после 2009 года от 70 до 76% жителей Латвии, покинувших страну, избрали своим новым местом жительства наиболее экономически развитые страны Европы [35].

Вполне объяснимо, что основную часть международных мигрантов в Латвии составили люди в возрастной группе 15—34 года, отличающиеся наибольшей пространственной мобильностью. Всего за период с 2000 по 2015 год доля данной возрастной группы в миграционной убыли населения республики составила 53%. При этом по годам данный показатель изменялся довольно значительно — от 31 (2000) до 72% (2006), оставаясь в последние годы устойчиво больше 50% от общего оттока населения⁶ [39] (рис. 4).

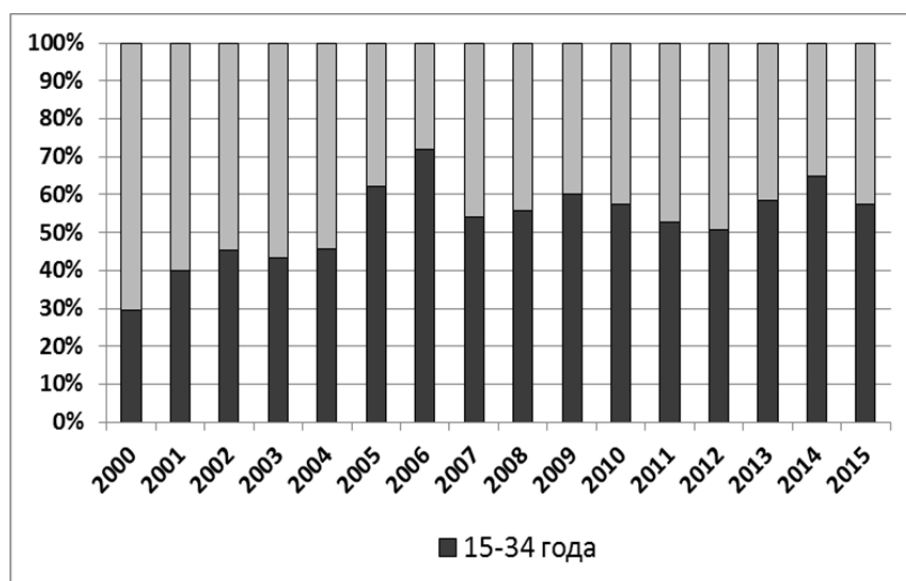

Рис. 4. Доля лиц в возрасте 15—34 лет в общей миграционной убыли населения Латвии в 2000—2015 годах

Составлено авторами по [39].

⁶ В эмиграционном потоке из Латвии в 2000—2015 годах удельный вес молодежи (15—34 года) изменялся в меньшем диапазоне — от 30 (2000) до 58% (2009).

Необходимо отметить, что среди населения Латвии удельный вес молодежи в возрасте 15—34 года в рассматриваемый период составлял 28—24%. Кроме более чем двукратного в целом превышения доли молодежи среди эмигрантов обращает на себя внимание и тот факт, что возрастная структура международной миграции с 2000 года претерпела существенные изменения. Так если в 2000—2004 годах, до вступления Латвии в Европейский союз, лица старше 60 лет составляли в среднем от 10 до 15% миграционной убыли населения, то в 2005—2006 годах численность прибывших в республику лиц данной возрастной группы превысила количество выбывших. В последующие годы восстановились отрицательные значения нетто-миграции пожилого населения Латвии, но в общем сальдо миграции их удельный вес не превышает сегодня 1,5—3,5% [39].

Обращает внимание гендерная структура миграционного потока и ее изменение в рассматриваемый период. В целом среди эмигрантов из Латвии в 2000—2015 годах женщины составляли 52%, но данный показатель сильно варьирует по годам. Так, в период благоприятной экономической конъюнктуры в стране и относительно низкого уровня эмиграции доля женщин в общем миграционном потоке превышала 55—60%, достигнув максимальных значений в 2006—2007 годах (63—68%). Если анализировать соотношение мужчин и женщин в составе миграционного сальдо населения Латвии, можно заметить, что их численность совпадает. Но в возрастных когортах мигрантов старше 50 лет начинается резкое преобладание женщин. Так, в возрасте старше 60 лет среди международных мигрантов (нетто-миграции) женщины составляют более 90%, что значительно превышает их долю в населении республики [39].

Но ущерб демографическому потенциалу Латвии состоит не только в разнице между количеством лиц, прибывших в страну (иммигранты)⁷ и выехавших на жительство за пределы республики (эмигранты). Тот факт, что подавляющее большинство покинувших Латвию составляют лица фертильного возраста предполагает и косвенный (непрямой) ущерб от эмиграции. Страна теряет не только тех, кто уехал в другие государства, но и их детей, родившихся уже за границей. С помощью метода передвижки возрастов, учета возрастных коэффициентов рождаемости и смертности можно рассчитать общую численность населения, которую потеряла Латвия за период с 2000 по 2015 год. Как уже отмечалось, за 16 лет прямые потери Латвии от миграции населения составили 257,4 тыс. человек. С учетом возрастной структуры миграционного потока, на основе существовавших в изучаемый период показателей рождаемости и смертности удалось рассчитать параметры естественного прироста для населения, покинувшего Латвию⁸. Он составил 21,5 тыс. человек, или 8,4% от сальдо миграции.

Таким образом, общие потери населения республики в результате международной миграции за 2000—2015 годы составили 278,9 тыс. человек. Половозрастная структура демографических потерь Латвии вследствие миграции за этот период представлена в таблице 3.

⁷ Большую часть иммигрантов в Латвии составляют жители страны, ранее выехавшие за рубеж и через некоторое время возвратившиеся обратно.

⁸ В расчетах использовались возрастные коэффициенты рождаемости и смертности населения Латвии 2000—2015 годов, а не стран прибытия эмигрантов.

Таблица 3

Численность и половозрастная структура населения, которое потеряла Латвия в период 2000—2015 годов в результате внешней миграции (с учетом возрастных сдвигов, по состоянию на начало 2016 года)

Возрастная группа	Общая убыль, чел.			Доля возрастных групп, %		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
0—4	10 086	10 174	20 260	3,62	3,65	7,27
5—9	9 237	9 324	18 561	3,31	3,34	6,66
10—14	6 568	6 429	12 997	2,36	2,31	4,66
15—19	4 501	4 494	8 995	1,61	1,61	3,23
20—24	8 806	9 732	18 538	3,16	3,49	6,65
25—29	18 562	19 600	38 162	6,66	7,03	13,69
30—34	20 096	20 315	40 411	7,21	7,28	14,49
35—39	15 719	15 507	31 226	5,64	5,56	11,20
40—44	11 644	10 938	22 582	4,18	3,92	8,10
45—49	8 497	9 276	17 773	3,05	3,33	6,37
50—54	7 304	8 547	15 851	2,62	3,06	5,68
55—59	5 887	7 626	13 513	2,11	2,73	4,85
60—64	3 673	5 123	8 796	1,32	1,84	3,15
65—69	1 845	2 713	4 558	0,66	0,97	1,63
70—74	660	1 104	1 764	0,24	0,40	0,63
75—79	702	1 466	2 168	0,25	0,53	0,78
80—84	396	1 012	1 408	0,14	0,36	0,50
85 и более	291	1 012	1 303	0,10	0,36	0,47
<i>Всего</i>	134 474	144 392	278 866	48,22	51,78	100,00

Источник: [39].

Сравнение фактической половозрастной пирамиды населения Латвии на начало 2016 года [40] с той, которая могла бы существовать при нулевой нетто-миграции за период с 2000 года, показывает размеры демографического ущерба, нанесенного республике в результате отрицательного сальдо внешней миграции. Если в целом население Латвии недосчиталось за этот период 14%, то по отдельным возрастным группам различие между фактической и потенциально возможной численностью значительно больше. Так, в возрастной когорте 0—4 года оно составляет 20%, а в возрасте 30—34 года — 29% (рис. 5). В целом же, наибольшая разница при сопоставлении двух половозрастных пирамид населения Латвии наблюдается в возрастной группе от 25 до 40 лет. За 16 лет она составила 27%. Минимальное расхождение между реальной и возможной численностью населения (2—4%) наблюдается в возрастных когортах старше 65 лет.

Таким образом, внешняя миграция не только в значительной степени деформировала половозрастную структуру населения Латвии, но и увеличила демографическую нагрузку на его трудоспособную часть (табл. 4).

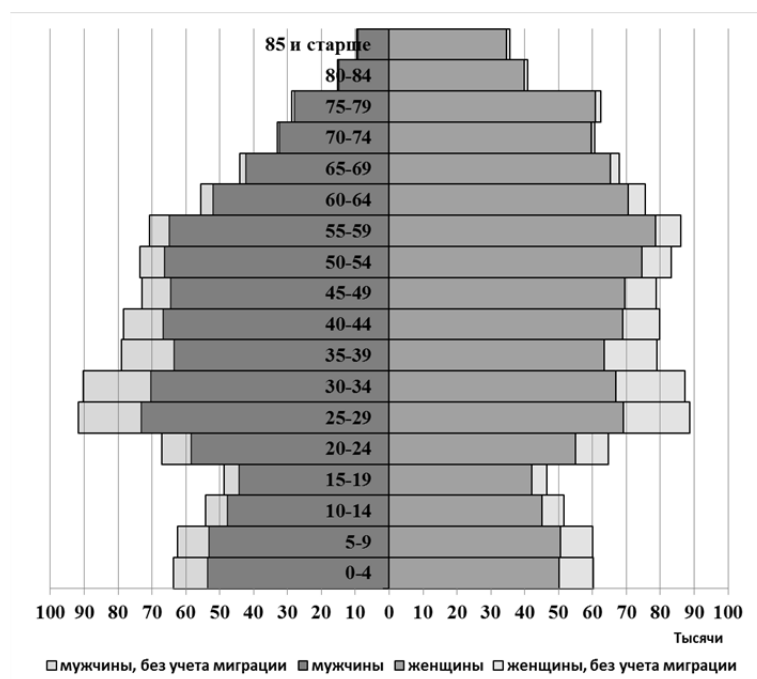

Рис. 5. Фактическая и потенциальная (в случае «нулевого» сальдо внешней миграции в 2000—2015 годах) половозрастная пирамида населения Латвии на начало 2016 года

Составлено авторами по [40] и на основании собственных расчетов.

Таблица 4

Демографическая нагрузка на трудоспособное население Латвии (по состоянию на начало 2016 года)

Половозрастная структура населения	Демографическая нагрузка на 1000 чел. трудоспособного возраста		
	лицами в возрасте моложе трудоспособного (0—14 лет)	лицами в возрасте старше трудоспособного (65 лет и старше)	общая
Фактическая	234	302	536
Возможная	235	266	501

Источник: составлено авторами на основе данных [40] и собственных расчетов.

Региональные особенности влияния миграции населения на возрастную структуру населения Латвии

Если в целом за 16 лет (с 2000 по 2015 год) из-за отрицательного сальдо миграции Латвия недосчиталась 14% населения, то по отдельным городам и районам республики ситуация отличается существенным образом. К сожалению, имеющаяся в открытом доступе статистическая информация не позволяет определить половозрастную структуру (ПВС) мигрантов по отдельным административно-территориальным единицам (АТЕ) республики. В связи с

этим при расчете влияния миграции на ПВС населения отдельных территорий в рассматриваемый период (2000—2015) будут использоваться те же пропорции по полу и возрасту, как и для всего населения Латвии.

В качестве объектов исследования рассмотрим девять крупнейших городов Латвии, получивших после административной реформы 2008 года статус отдельных АТЕ. К городам республиканского значения сегодня относятся Рига, Даугавпилс, Елгава, Екабпилс, Юрмала, Лиепая, Резекне, Валмиера и Вентспилс. В отличие от других АТЕ Латвии, образованных в ходе реформы, по вышеперечисленным городам имеется информация о ПВС населения не только на момент проведения переписей (2000, 2011), но и по состоянию на 2016 год. Это позволяет выявить изменения численности и удельного веса отдельных возрастных когорт за весь рассматриваемый период (2000—2015) под влиянием процессов естественного и механического движения населения.

Как отмечалось, с 2000 по 2015 год население Латвии сократилось на 412,8 тыс. человек, что составило 17,3% численности жителей республики на рубеже веков. Для крупнейших городов Латвии данный показатель варьировал в диапазоне от 10,5 (Елгава) до 27,2% (Резекне) [41] (табл. 5).

Таблица 5

Изменение численности населения крупнейших городов Латвии в 2000—2015 годах

Город	Численность населения на начало года, чел.		Прирост (убыль) населения в 2000—2015 годах, чел.	Темпы роста численности населения в 2000—2015 годах (2000 = 100 %)	Доля миграции в общем приросте (убыли) населения, %
	2000	2016			
Рига	766 381	639 630	-126 751	83,5	68,3
Даугавпилс	115 574	85 858	-29 716	74,3	70,9
Лиепая	89 641	70 630	-19 011	78,8	76,2
Елгава	63 743	57 053	-6 690	89,5	74,0
Юрмала	55 673	49 182	-6 491	88,3	36,2
Вентспилс	43 999	35 903	-8 096	81,6	65,0
Резекне	39 430	28 692	-10 738	72,8	67,8
Екабпилс	27 911	22 750	-5 161	81,5	72,2
Валмиера	27 799	23 248	-4 551	83,6	78,7

Источник: составлено авторами на основе данных [41].

Сопоставив половозрастные пирамиды населения городов Латвии 2000 и 2016 годов, можно заметить, что по отдельным возрастным когортам изменение численности за 16 лет было несимметричным. Так, для всех городов характерно увеличение абсолютной численности жителей в возрасте 0—4 года⁹ и в возрасте старше 75 лет. Общим для всех рассматриваемых городов Латвии является и значительное сокращение численности населения — на 41—57% от

⁹ Кроме Вентспилса и Резекне, где за 2000—2015 годы численность детей в возрасте 0—4 года сократилась соответственно на 5,7 и 2,8%.

уровня 2000 года — в возрастной группе 10—19 лет (рис. 6). Но если отмеченные особенности трансформации возрастной структуры населения городов республиканского подчинения соответствуют общему для Латвии тренду, то изменения в других возрастных группах имеют существенные различия [42].

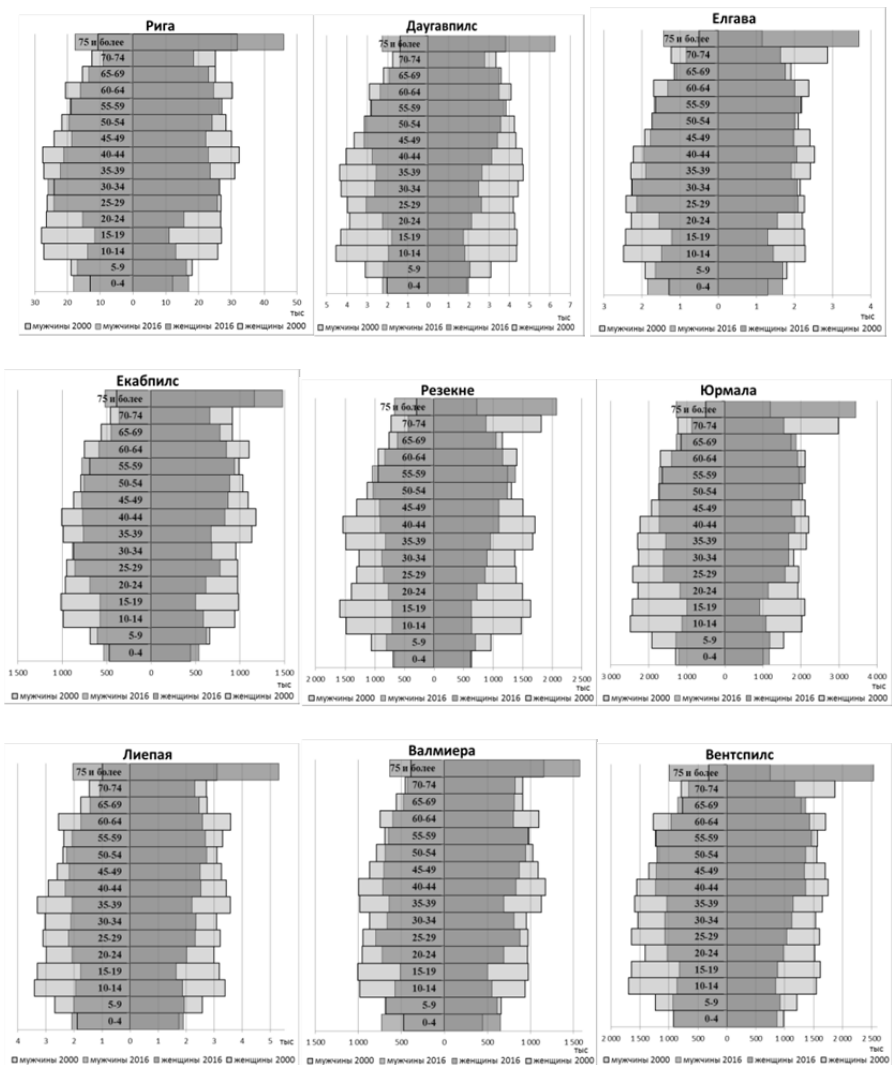

Рис. 6. Сравнение половозрастной структуры городов Латвии в 2000 и 2016 годы

Составлено авторами по [42].

Так, для одних городов Латвии (Даугавпилс, Лиепая, Резекне, Валмиера) характерно значительное сокращение численности и удельного веса населения в возрасте 35—39 лет, а для других (Елгава, Юрмала, Резекне) — в группе 70—74 года. В то же время в Юрмале и Резекне в рассматриваемый период значительно выросла численность населения в возрасте 55—59 лет (табл. 6).

Таблица 6

**Темпы роста численности населения Латвии и отдельных городов
республики в пятилетних возрастных когортах в 2000—2015 годах,
% (2000 = 100 %)**

Возраст	Латвия	Рига	Даугавпилс	Лиепая	Елгава	Юрмала	Вентспилс	Резекне	Екабпилс	Валмиера
0—4	108,0	139,8	108,3	110,0	137,2	115,2	94,3	97,2	116,8	151,0
5—9	71,5	89,8	69,1	74,9	89,8	80,7	75,4	74,4	91,2	95,8
10—14	49,7	50,8	42,1	55,9	61,7	54,1	52,6	45,7	60,1	58,8
15—19	48,4	41,3	40,6	52,5	53,6	46,4	51,9	41,4	53,8	51,1
20—24	70,2	58,2	53,8	68,2	69,4	61,5	68,4	51,8	67,3	73,3
25—29	86,2	94,2	69,7	71,7	90,4	82,5	64,9	63,7	84,7	87,5
30—34	86,2	104,4	58,6	73,0	97,8	92,4	71,5	67,6	85,6	80,8
35—39	71,7	78,4	57,5	62,0	81,0	80,7	67,3	56,1	67,6	63,1
40—44	77,3	73,4	67,8	76,5	84,5	86,9	78,5	61,8	73,1	71,2
45—49	86,2	75,7	82,5	79,7	86,6	90,5	84,0	71,6	83,6	80,3
50—54	100,8	87,3	89,9	91,1	97,7	100,6	92,0	93,0	89,9	89,8
55—59	100,6	99,6	99,2	83,9	100,7	113,9	96,9	111,0	102,6	97,3
60—64	83,6	79,7	84,0	70,4	82,2	93,9	80,6	85,2	77,3	75,9
65—69	88,8	90,0	93,3	86,3	93,8	113,7	108,2	86,8	82,9	87,4
70—74	86,8	73,2	81,9	81,6	60,2	58,0	69,1	51,6	74,3	91,7
75 и более	148,0	149,8	163,8	179,6	311,9	282,0	332,5	269,6	129,1	143,3
<i>Всего</i>	82,7	83,5	74,3	78,8	89,5	88,3	81,6	72,8	81,5	83,6

Источник: составлено авторами на основе данных [42].

Используя данные о ПВС жителей городов Латвии по состоянию на 2000 и начало 2016 года и зная возрастные коэффициенты рождаемости и смертности для всего населения республики, можно определить сальдо миграции в отдельных возрастных когортах. Так, в случае «нулевой» миграции за 16 лет с 2000 по 2015 год пятилетняя возрастная когорта 14—18 лет переходит в возрастную группу 30—34 года с потерей 1,6% численности за счет смертности. Аналогично при переводе возрастной когорты 24—28 лет в возраст 40—44 года теряется 3,4% начальной численности населения, а когорта 39—43 года, переходя в возраст 55—59 лет, уменьшается на 10,8%. Закономерно, что с увеличением возраста потери численности населения в возрастных группах растут — для когорты 59—63 года при ее переходе в возрастную группу 75—79 лет сокращение численности составляет 36%. Подобным образом может быть рассчитана и возможная численность населения в младших возрастных группах — от 0 до 16 лет. Смертность в младших возрастных группах минимальна (десятые доли промилле в год), и численность населения зависит от возрастных коэффициентов рождаемости среди женщин фертильного возраста.

С помощью описанного выше метода передвижки возрастов можно получить возрастную структуру населения городов Латвии в начале 2016 года, какой бы она была в случае полного отсутствия миграции. Разность же между фактической и возможной численностью населения в отдельных возрастных группах может быть отнесена только на счет миграции населения.

Проверим обоснованность наших расчетов для крупнейших городов Латвии, используя имеющиеся возрастные коэффициенты рождаемости и смертности. Во всех девяти городах республиканского подчинения за 2000—2015 годы наблюдалась миграционная убыль населения. И именно миграция внесла ос-

новой вклад в уменьшение количества населения в этих городах (см. табл. 6). При этом обращает внимание тот факт, что в большинстве (в 6 из 9) рассматриваемых городов расхождение между фактической численностью населения на начало 2016 года и данными, полученными в ходе расчетов, близко к миграционному сальдо, накопленному за предшествующие 16 лет [43]. Различие между официальными и расчетными значениями нетто-миграции в Риге, Даугавпилсе, Лиепаве, Елгаве, Валмиере и Екабпилсе не превышает 10%. Только для Резекне, Вентспилса и Юрмалы значение фактической миграции, рассчитанное методом передвижки возрастов, отклоняется от данных статистического учета более чем на 10%. Но если для Даугавпилса, Лиепай, Елгавы, Юрмалы, Вентспилса, Резекне полученные значения убыли населения были больше официальных, то в Риге, Валмиере и Екабпилсе потери населения вследствие миграции были несколько завышены.

Еще более неоднозначную картину дает сравнительный анализ возрастной структуры миграционного прироста (убыли) в различных городах Латвии (рис. 7).

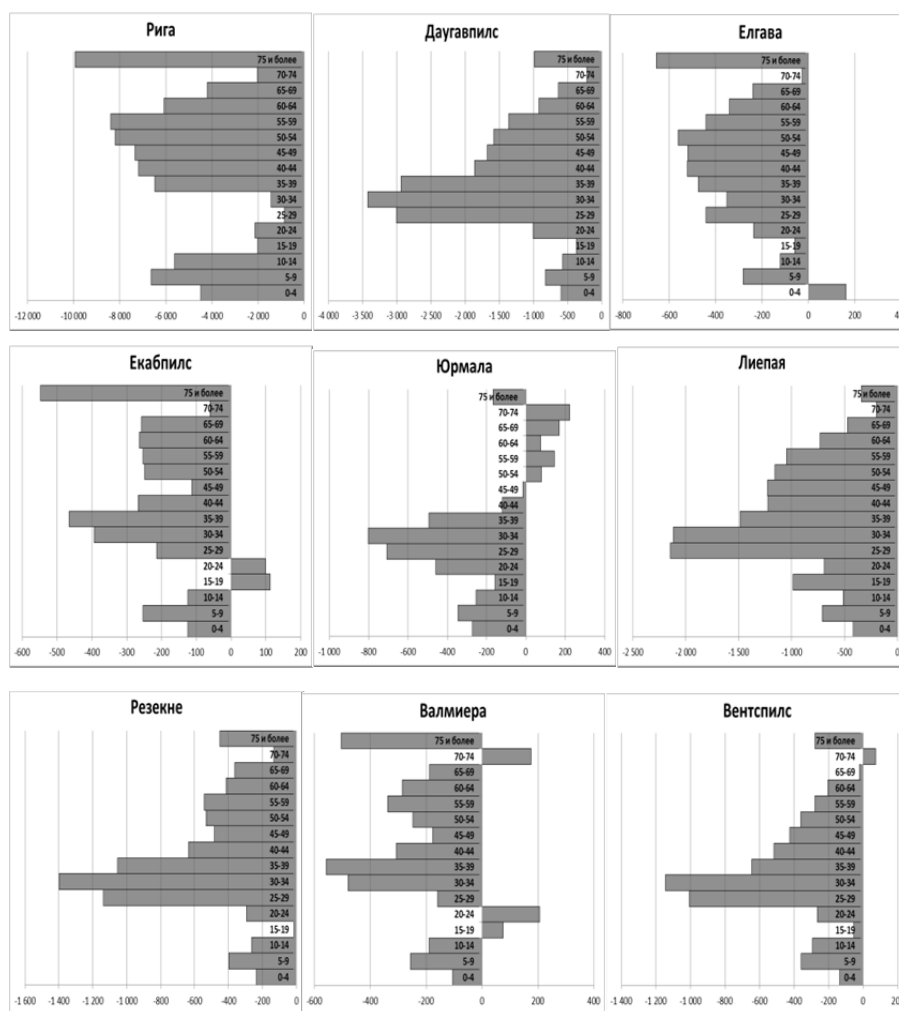

Рис. 7. Возрастная структура сальдо миграции за 2000—2015 годы по городам Латвии, чел.

Составлено авторами на основе данных [43] и собственных расчетов.

Так, для Даугавпилса, Лиепай, Вентспилса, Резекне наблюдается в целом схожая возрастная структура мигрантов, близкая по своим пропорциям к общим миграционным потерям республики за последние 16 лет (см. табл. 3 на с. 117 и рис. 5 на с. 116). Она характеризуется миграционной убылью во всех возрастных когортах, достигающей максимальных значений в группах 25—39 лет и минимальных — в возрасте 15—19 лет (для Лиепай — 0—4 года) и старше 65 лет.

Возрастная структура мигрантов в других городах Латвии заметно отличается от рассмотренных выше. Так, в Риге максимальная миграционная убыль населения, накопившаяся за 2000—2015 годы, отмечена в возрастной группе 40—59 лет, на которую приходится почти 38% расчетного сальдо миграции, а минимальная убыль — в возрасте 25—29 лет. В Юрмале, наоборот, в возрастных когортах от 50 до 75 лет численность населения за последние 16 лет выросла за счет миграции, а наибольшая убыль пришлась на возрастную группу 25—34 года. В Валмиере и Екабпилсе миграционный прирост наблюдается среди лиц 15—24 лет.

Заключение

Рассмотренные особенности миграционных процессов в Латвии позволяют сделать некоторые выводы.

1. По темпам сокращения численности населения за последнюю четверть века Латвия стала лидером среди государств Европы и мира. Большую часть депопуляции населения (62,4%) составляет миграционная убыль. При этом по сравнению с началом 1990-х годов вектор внешней миграции сменил свою направленность — в настоящее время практически вся миграционная убыль населения в Латвии приходится на страны Европейского союза. Наиболее высокая эмиграционная активность наблюдается среди русского населения республики, проживающего преимущественно в крупных городах.

2. Темпы сокращения численности населения Латвии значительно различаются по возрастным группам, что приводит к серьезной деформации структуры населения. По сравнению с концом 1980-х годов доля лиц моложе трудоспособного возраста (0—14 лет) сократилась почти на треть (с 21,4 до 15,2%), а лиц старше трудоспособного возраста (65 лет и старше) увеличилась более чем в полтора раза (с 11,8 до 19,6%). Пока еще рост демографической нагрузки пожилыми на население трудоспособного возраста компенсируется снижением нагрузки детьми, но это не может продолжаться долго. Уже в ближайшем будущем, в связи с постепенным увеличением продолжительности жизни жителей Латвии, начнется быстрое сокращение доли населения трудоспособного возраста (15—64 года) и рост общей демографической нагрузки. При этом эмиграция населения республики существенно ускоряет данный процесс, так как за последние полтора десятилетия большая часть сальдо внешней миграции (54%) приходится на лиц наиболее репродуктивного возраста (20—39 лет).

3. Влияние внешней миграции на трансформацию половозрастной структуры населения Латвии не ограничивается только массовым оттоком населения с преобладанием молодежи (15—29 лет) и лиц средних возрастных групп (30—49 лет). Так, если прямые потери от эмиграции составили в 2000—2015 году 257,4 тыс. человек — 10,8% численности населения Латвии¹⁰, то с учетом потенциальной рождаемости и смертности среди мигрантов можно утверждать, что за 16 лет республика недосчиталась 278,9 тыс. человек — 14,2% населения на начало 2016 года. При этом в возрастных когортах 25—29 лет и 30—34 года эта недостача составила соответственно 26,8 и 29,4%. Всего на

¹⁰ От численности населения республики по состоянию на начало 2000 года.

возрастную группу 25—39 лет, характеризующуюся наибольшей фертильностью, пришлось почти 40% общих потерь населения Латвии вследствие миграционной убыли. В результате это привело к еще большим диспропорциям в половозрастной структуре населения Латвии, затруднило возможность преодоления глубокого демографического кризиса, в котором республика находится с начала 1990-х годов.

4. Возрастная структура миграционных потерь населения Латвии имеет выраженные территориальные особенности. Методом передвижки возрастов, с учетом общих для всего населения республики возрастных коэффициентов смертности и рождаемости удалось рассчитать реальный объем и возрастную структуру сальдо миграции населения в 2000—2015 годах для девяти городов республиканского подчинения. Сравнение полученных значений с фактической численностью населения городов позволило выявить несоответствие между официальными данными миграционной убыли и сделанными расчетами. Так, если для Риги, Даугавпилса, Лиепай, Елгавы, Валмиеры расхождение варьировались в пределах 3—7%, то для Вентспилса расхождение между рассчитанными и официальными значениями сальдо миграции за 16 лет составило 12%, для Резекне — 13%, а для Юрмалы — 24% (!) в пользу расчетных данных. Это значит, что официальная статистика существенно занижает реальное количество лиц, выехавших из этих трех городов. В то же время в Екабпилсе фактическая миграционная убыль населения за 2000—2015 годы оказалась на 9% меньше официальных данных.

Но наиболее важным результатом полученных расчетов оказалось то, что для крупнейших городов Латвии характерна совершенно различная возрастная структура мигрантов. Если для Даугавпилса, Лиепай, Вентспилса, Резекне (как и для всего населения Латвии в целом) наибольшая часть миграционных потерь в рассматриваемый период приходилась на возрастную группу 25—39 лет, отличающуюся наибольшей пространственной и социальной мобильностью, то для столицы республики, привлекающей активное молодое население из провинции, миграционная убыль в данной возрастной группе незначительна. Наоборот, для Риги характерны большие миграционные потери в возрастных группах 45—59 и старше 75 лет. Подобную Риге возрастную структуру миграционных потерь имеет и расположенный в непосредственной близости от нее город Елгава. Здесь, как и в столице Латвии, наиболее многочисленную группу среди выбывших составляют лица старше 75 лет.

В связи с этим обращает внимание на себя пример Юрмалы, где миграционные потоки в различных возрастных группах имеют противоположную направленность. Так, если для населения главного латвийского курорта в возрасте до 40 лет характерно массовое выбытие за пределы города в поисках работы, то для лиц старшего возраста (50—74 года), имеющих определенные финансовые накопления, Юрмала является привлекательным местом жительства. Этот город-курорт, в котором богатые россияне любят приобретать недвижимость, выступает своеобразным «окном в Европу», доступным способом получения вида на жительство на территории Европейского союза.

Сложнее объяснить миграционный прирост населения в возрастной группе 15—24 года для самых небольших по численности городов республиканского подчинения — Валмиеры и Екабпилса. Если Валмиера сегодня интересна молодежи благодаря наличию высшего учебного заведения (*Vidzemes augstskola*), то привлекательность Екабпилса для данной возрастной группы мигрантов не вполне понятна. Впрочем исчерпывающее объяснение причинно-следственных связей, выявленных в ходе анализа миграционных процессов, не входит в задачи данной работы.

Использованные в статье методы оценки влияния миграции на изменение половозрастной структуры населения и выявления территориальных различий

структуры миграционного прироста на примере городов Латвии позволяют лучше понять закономерности демографического развития отдельных стран и регионов. Применение данной методики даст возможность не только восполнить пробелы текущего статистического учета миграционных событий, но и смоделировать его развитие, улучшив качество демографического прогноза.

Список литературы

1. Коэффициент ежегодного прироста населения (на 1000), 1950—2015 // Демо-скоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4002.php> (дата обращения: 02.01.2018).
2. Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М., 2017.
3. Клунт М. Центр-периферийные отношения в Европе: демографический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №2. С. 58—67.
4. Demografija 2015. Statistisko datu krajums. Riga, 2015.
5. Indans I. Migration Policies in the Baltic Sea Region 2008—2009. Rīga, 2009.
6. Krišjāne Z., Berzins M. Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga // Latvia Urban Studies. 2012. Vol. 49, iss. 2. P. 289—306.
7. Goller D., Krišjāne Z., Berzins M. International Migration in the Periods of Transition and Crisis: the Case of Latvia // Baltic Region. 2014. №2 (20). p. 97—120.
8. Apsite E., Krišjāne Z., Berzins M. Emigration from Latvia underp economic crisis conditions // International Proceedings of Economics Development and Research. 2012. Vol. 31. P. 134—138.
9. Eglite P. Regional Differences of Depopulation in Latvia // Geografiski Raksti/Folia Geographica. 2007. Vol. 13. P. 169—174.
10. Krišjāne Z., Berzins M., Apsite E. Post-accession migration from the Baltic states. The case of Latvia // Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement / eds. B. Glorius [et al.]. Amsterdam, 2013. P. 85—109.
11. Krišjāne Z., Eglite P., Bauls A. et al. Darbaspēka ģeogrāfiska mobilitāte. Riga, 2008.
12. Волков В. В. Этнические меньшинства в Латвийском политическом дискурсе // Этнографическое обозрение. 2017. №2. С. 24—38.
13. Кузнецова Т. Ю. Миграционные тенденции в странах Балтийского региона: пространственно-временной аспект // Балтийский регион. 2010. №4 (6). С. 53—60.
14. Хрущев С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. №4 (6). С. 91—102.
15. Виноградова С. М., Руцин Д. А. Гендерные аспекты социального развития Балтийского региона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. №1. С. 111—119.
16. Кузнецова Т. Ю., Федоров Г. М. Территориальная дифференциация демографического развития Балтийского макрорегиона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. Сер.: Естественные науки. С. 131—137.
17. Казьмина О. Е. Динамика этнического состава населения Литвы, Латвии и Эстонии в XX в. (этнодемографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
18. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. : науч. доклад. М., 2017.
19. Kaszmarczyk P., Okólski M. Economic Impacts of Migration on Poland and Baltic States // Fafo-paper. Oslo, 2008.
20. Катус К., Саккеус Л. Урбанизация, миграция и региональное развитие населения Эстонии // Миграция и урбанизация в 90-е годы / под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 159—183.
21. Федоров Г. М., Разумовский В. М., Кузнецова Т. Ю., Гуменюк Л. Г. Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 146, №6. С. 14—24.
22. Raagmaa G. Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society // 43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyväskylä, Finland, August 27—30. 2003. URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf> (дата обращения: 02.01.2018).

23. Иванов К. О. Этническая структура населения Латвии // Псковский региональный журнал. 2011. № 12. С. 62—69.
24. Манаков А. Г., Суворков П. Э., Станайтис С. А. Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 79—95.
25. Kontuly T., Tammaru T. Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia // European Urban and Regional Studies. 2006. Vol. 13, iss. 4. P. 319—336.
26. Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: Динамика населения в 2000-е гг. // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62—80.
27. Coleman D. The demographic effects of international migration in Europe // Oxford Review of Economic Policy. 2008. Vol. 24, iss. 3. P. 453—477.
28. Plane D. A. Age-Composition Change and the Geographical Dynamics of Interregional Migration in the U. S. // Annals of the Association of American Geographers. 1992. Vol. 82, iss. 1. P. 64—85.
29. Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain drain and human capital formation in developing countries: Winners and losers // Economic Journal. 2008. Vol. 118, iss. 528. P. 631—652.
30. Vidal J.-P. The effect of emigration on human capital formation // Journal of Population Economics. 1998. Vol. 11, iss. 4. P. 589—600.
31. 15 независимых государств. Коэффициент суммарной рождаемости // Демоскоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php (дата обращения: 03.01.2018).
32. ISVG01. Vital statistics // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/ISV0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
33. IBG01. Long-term migration // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
34. Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 101—124.
35. IBG02. International long-term migration by country group // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0020.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
36. IBG041. International long-term migration by ethnicity of migrants // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0041.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
37. ISG022. Resident population by major age group at the beginning of the year (by 5-years age groups) // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0022.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
38. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения союзных республик и их регионов по полу и возрасту. Латвийская ССР // Демоскоп Weekly. Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php?reg=82 (дата обращения: 03.01.2018).
39. IBG04. International long-term migrants by age and sex // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0040.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 03.01.2018).
40. ISG06. Population by sex and age at the beginning of year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0060.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

41. *ISG12*. Usually resident population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties by actual and declared place of residence; at the beginning of the year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0120.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

42. *ISG171*. Men and women by age and cities under state jurisdiction at the beginning of year // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0171.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 04.01.2018).

43. *IBG10*. Long-term net migration of population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties // Официальный сайт Центрального статистического бюро Латвии. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0100.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (дата обращения: 05.01.2018).

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Зайга Кришьяне, доктор географических наук, профессор, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Гвидо Секи, доктор наук, исследователь, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: g.sechi@lu.lv

Для цитирования:

Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г. Влияние миграции на изменение половозрастной структуры населения Латвии // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №1. С. 107—129. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7.

THE EFFECT OF MIGRATION ON LATVIA'S SEX AND AGE COMPOSITION

D. V. Zhitin¹

Z. Krisjane²

G. Sechi²

¹ Saint-Petersburg State University,
7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² University of Latvia,
19 Rajnisa Bul., Riga, LV 1586, Latvia

Submitted on February 02, 2018

doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7

The theory of Demographic Transition stipulates that the number of countries with the replacement and sub-replacement level of the total fertility rate is growing. In these conditions, population dynamics and the sex and age composition are increasingly affected by migration. The above holds true for Eastern European countries. Population decline has haunted Latvia for two and a half decades. Since 1990, the net migration rate has been negative, which contributes to depopulation. This study aims to reveal the effect of migration on the sex and age composition across Latvia and its largest cities. The authors consider hypo-

thetical transformations in the country's age structure in 2000—2015 in the case of zero net migration. The study uses the cohort component methods and considers the actual age-specific mortality and birth rates. The analysis of the results obtained for the population of Latvia and its individual cities makes it possible to identify temporal and age/space features of migration. A comparison of the official data with net migration rates calculated for different age groups ensures a more accurate estimate of the actual volume and direction of migration flows for certain Latvian cities. The method for calculating net migration for the selected age groups, described in the article, may narrow the gaps in the current migration statistics and reveal the territorial inhomogeneity of demographic processes.

Key words: sex and age composition, population, emigration, Latvia, international migration, demographic situation, depopulation

References

1. The coefficient of annual population growth (per 1000), 1950—2015. In: *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4002.php> (accessed 02.01.2018). (In Russ.)
2. Zhitin, D.V., Ivanova, A.A. 2017, *Demograficheskoe razvitie stran Baltii* [Demographic development of the Baltic States], Scientific reports of the Russian Association of Baltic Studies, Series 2. Socio-economic development, Moscow, Association of Book Publishers "Russian Book", 112 p. (In Russ.)
3. Klupt, M. 2015, Center-Peripheral Relations in Europe: Demographic Aspect. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 2, p. 58—67. (In Russ.)
4. *Demografija*, 2015. Statistisko datu krajums, Riga, 120 p. (In Latvian)
5. Indans, I. 2009, *Migration Policies in the Baltic Sea Region 2008—2009*. Rīga.
6. Krisjane, Z., Berzins, M. 2012, Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga, *Latvia Urban Studies*. Vol. 49, no. 2, p. 289—306.
7. Göler, D., Krišjāne, Z., Bērziņš, M. 2014, International Migration in the Periods of Transition and Crisis: the Case of Latvia, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 2, p. 75—85. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-6.
8. Apsite, E., Krišjāne, Z., Berzins, M. 2012, Emigration from Latvia under economic crisis conditions, *International Proceedings of Economics Development and Research*, Vol. 31, p. 134—138.
9. Eglite, P. 2007, Regional Differences of Depopulation in Latvia. In: *Geografiski Raksti. Folia Geographica* [Geographic Articles], Vol. 13. p. 169—174.
10. Krišjāne, Z., Berzins, M., Apsite, E. 2013, Post-accession migration from the Baltic states. The case of Latvia. In: Glorius, B. (ed.) *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*, Amsterdam, p. 85—109.
11. Krisjane, Z., Eglite, P., Baul, A. et al. 2008, *Darbaspeka geografiska mobilitate* [Working in the field of geographic mobility], Riga. (In Latvian)
12. Volkov, V.V. 2017, Ethnic minorities in the Latvian political discourse, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 2, p. 24—38. (In Russ.)
13. Kuznetsova, T., 2010, Migration trends in the Baltic region states: the spatiotemporal aspect, *Balt. Reg.*, Vol. 2, no. 4, p. 48—54. doi: 10.5922/2079-8555-2010-4-5.
14. Khrushev, S. 2010, The ethnic aspects of demographic processes in the Baltic region states, *Balt. Reg.*, Vol. 2, no. 4, p. 81—91. doi: 10.5922/2079-8555-2010-4-9.
15. Vinogradova, S.M., Rushchin, D.A. 2016, Gender aspects of the social development of the Baltic region, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies], no. 1, p. 111—119. (In Russ.)
16. Kuznetsova T. Yu., Fedorov G.M. 2011, Territorial differentiation of the demographic development of the Baltic macroregion, *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University, Natural and medical sciences*, no. 1, p. 131—137. (In Russ.)

17. Kazemina, O. E. 1991, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Litvy, Latvii i Estonii v XX v. (etnodemograficheskoe issledovanie* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Lithuania, Latvia and Estonia in the XX century. (ethnodemographic study)], PhD thes., Moscow. (In Russ.)
18. Manakov, A. G., Chuchenkova, O. A. 2017, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016], Scientific Reports of the Russian Association of Baltic Studies, Series 2. Social and Economic Development, no. 2, Moscow, Association of Book Publishers "Russian Book", 96 p. (In Russ.)
19. Kaszmarczyk, P., Okólski, M. 2008, Economic Impacts of Migration on Poland and Baltic States, *Fafo-paper*, Oslo.
20. Katus, K., Sakkeus, L. 1999, Urbanization, migration and regional development of the Estonian population. In: *Migratsiya i urbanizatsiya v 90-ye gody* [Migration and urbanization in the 90s], Moscow, p. 159—183. (In Russ.)
21. Fedorov, G. M., Razumovsky, V. M., Kuznetsova, T. Yu., Gumenyuk, L. G. 2017, Location and dynamics of the population of coastal cities in the Baltic. In: *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], Vol. 146, no. 6, p. 14—24. (In Russ.)
22. Raagmaa, G. 2003, Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society, *43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyvaskyla*, Finland, August 27—30, available at: <https://www.jyu.fi/ersa/2003/cdrom/papers/503.pdf> (accessed 02.01.2018).
23. Ivanov, K. O. 2011, Ethnic structure of the population of Latvia. In: *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionological journal], no. 12, p. 62—69. (In Russ.)
24. Manakov, A., Suvorkov, P., Stanaitis, S. 2017, Population Ageing as a Sociodemographic Problem in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 55—67. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-5.
25. Kontuly, T., Tammaru, T. 2006, Population subgroups responsible for new urbanization and suburbanization in Estonia. In: *European Urban and Regional Studies*. Vol. 13, no. 4, p. 319—336.
26. Mkrtchyan, N., Karachurina, L. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 2, p. 48—62. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.
27. Coleman, D. 2008, The demographic effects of international migration in Europe, *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 24, no. 3, p. 453—477.
28. Plane, D. A. 1992, Age-Composition Change and the Geographical Dynamics of Inter-regional Migration in the U.S, *Annals of the Association of American Geographers*, Vol. 82, no. 1, p. 64—85.
29. Beine, M., Docquier, F., Rapoport, H. 2008, Brain drain and human capital formation in developing countries: Winners and losers, *Economic Journal*, Vol. 118, no. 528, p. 631—652.
30. Vidal, J.-P. 1998, The effect of emigration on human capital formation, *Journal of Population Economics*, Vol. 11, no. 4, p. 589—600.
31. 15 independent states. Coefficient of total fertility, *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_tfr.php (accessed 03.01.2018). (In Russ.)
32. ISVG01. Vital statistics, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/ISV0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).
33. IBG01. Long-term migration, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0010.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).
34. Zhitin, D., Krasnov, A., Shendrik, A. 2016, Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 68—86. doi: 10.5922/2079-8555-2016-2-6.
35. IBG02. International long-term migration by country group, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0020.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

36. IBG041. International long-term migration by ethnicity of migrants, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0041.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

37. ISG022. Resident population by major age group (by 5-years age groups), *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0022.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

38. All-Union Population Census of 1989. Distribution of population of union republics and their regions by sex and age. Latvian SSR, *Demoscope Weekly*, Institute of Demography of the National Research Institute "Higher School of Economics", available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_89.php?reg=82 (accessed 03.01.2018). (In Russ.)

39. IBG04. International long-term migrants by age and sex, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0040.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 03.01.2018).

40. ISG06. Population by sex and age at the beginning of year, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0060.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

41. ISG12. Usually resident population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties by actual and declared place of residence, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0120.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

42. ISG171. Men and women by age and cities under state jurisdiction at the beginning of year, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_iedzskaits/IS0171.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 04.01.2018).

43. IBG10. Long-term net migration of population in statistical regions, cities under state jurisdiction and counties, *Official site of the Central Statistical Bureau of Latvia*, available at: http://data.csb.gov.lv/pxweb/en/Sociala/Sociala_ikgad_iedz_migr/IB0100.px/table/tableViewLayout2/?rxid=a79839fe-11ba-4ecd-8cc3-4035692c5fc8 (accessed 05.01.2018).

The authors

Dr Dmitrii V. Zhitin, Associate Professor, Department of Economic & Social Geography, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Prof. Zaiga Krisjane, Chair of Human Geography, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Dr Guido Sechi, Department of Human Geography, University of Latvia, Latvia.

E-mail: g.sechi@lu.lv

To cite this article:

Zhitin D. V., Krisjane Z., Sechi G. 2018, The Effect of Migration on Latvia's Sex and Age Composition, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 107—129. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-7.